

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ДИАЛОГЕ I. ЖЕСТОВЫЕ УДАРЕНИЯ

MEANS OF INTERACTION BETWEEN VERBAL AND NONVERBAL SIGN UNITS IN A DIALOG. PART I: BATONS

Г.Е. Крейдлин (gekr@iitp.ru)

Российский государственный гуманитарный университет

Академическая лекция, рассматриваемая как диалог, является удобным полигоном для выявления особенностей взаимодействия речевых и жестовых единиц. Жестовые ударения в речи организуют текст, подчеркивают элементы текста, отображают некоторые когнитивные и психические процессы и, тем самым, облегчают слушателям восприятие лекции.

§1. Введение

Плодотворность расшифровки социальных и культурных невербальных знаковых кодов в их соотношении с вербальными кодами едва ли вызовет у кого-либо сомнения. Дискурсивные механизмы взаимодействия и коммуникативная практика людей тесно связаны с современными реалиями и потребностями общения. Семантические области, в которых существуют и проявляют себя жесты, рассматриваемые здесь мной широко, то есть как собственно жесты, или жесты рук, ног, плеч и головы, позы, мимика, взгляды и, шире, выражения лица, а также знаковые телодвижения и манеры, в значительной степени тоже являются социально и культурно обусловленными.

В опубликованной более 40 лет назад замечательной работе Реформатский 1963 речь шла о совместном существовании в устном коммуникативном акте нескольких знаковых кодов и затрагивались проблемы, относящиеся к функционированию в тексте знаков разной природы. А.А. Реформатский считал, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека данной культуры и общества и каково соотношение невербальных единиц диалога с вербальными, "немисливо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса". Ученый подчеркивал исключительную важность жестового, или, иначе, кинетического, поведения человека как связующих звеньев между мыслительной и речевой деятельностью. По мнению А.А. Реформатского, в акте устного общения никогда не осуществляется простое кодирование смысла или перекодирование информации. В нем сосуществуют параллельно разные системы обработки знаковой информации, и "хотя они как-то и конкурируют в принципе, но не накладываются друг на друга, а представляют собой более сложное соотношение".

Сегодня представителями разных наук – лингвистами, социологами, психологами и специалистами в области невербальной семиотики, комплексной науки, одной из задач которой является как раз выявление и описание природы и механизмов невербальной знаковой коммуникации, – проводятся полевые и лабораторные исследования, цель которых выявить закономерности, обуславливающие диалогическое взаимодействие вербального и невербальных знаковых кодов. На передний план выходит действие отдельных параметров и сочетаний параметров, обуславливающих коммуникативную деятельность человека, а также выявление тех семантических областей, которые жесты обслуживают вместе с речью.

Во многих ситуациях общения невербальные знаки и модели поведения оказываются более эффективными, чем вербальные, а для выражения определенных типов содержания и в некоторых ситуациях, например, когда речь затруднена из-за высокого уровня фонового шума или когда происходит общение с маленькими детьми, плохо освоившими речь, могут быть использованы только они.

Американский антрополог Э. Холл в книге Холл 1959 пишет, что в устном бытовом диалоге людей западной культуры в среднем только одно сообщение из десяти всецело вербальное. По данным Д. МакНила (МакНил 1995), около 50% всех английских высказываний, имеющих синтаксическую форму простых предложений, сопровождается тем или иным жестом. Хотя это не обязательно жесты рук, последние образуют большую часть всех невербальных знаковых средств, используемых наряду с речевыми. Другие авторы приводят еще более впечатляющие цифры и, в частности, говорят о том, что от 70 до 80% диалогических сообщений носят совмещенный, вербально-невербальный, характер, а в эмоционально насыщенном диалоге число таких совмещенных сообщений достигает 90% и более.

По соотношению вербального и невербального компонентов устного текста ярко противопоставлены два типа коммуникации и два типа культуры – **высоко-кинетическая** и **низко-кинетическая**. Высоко-кинетическая культура в сильной степени соединяет вербальное высказывание и телесное знаковое поведение. Высоко-

кинетическая коммуникация особенно характерна для районов и культур Средиземноморья, Южной Америки, юго-востока Европы и некоторых других. В низко-кинетической культуре, которая свойственна, например, населению Северной Америки, Скандинавии или севера Германии, резко преобладает вербальная составляющая. Впрочем, как обычно бывает, существуют также промежуточные культуры. К ним из изученных на сегодня культур принадлежат, например, культуры Чехии, Китая, Японии и, по имеющимся у меня данным, Россия.

Тут сразу необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, указанное различие культур и типов коммуникации по степени их кинетичности установлено исключительно в отношении собственно жестов, причем главным образом мануальных. Во-вторых, оно совсем не отражает разный вклад и разную роль отдельных кинетических параметров диалога, а также почти не обращает внимания на тип, жанр и стиль самого диалога. А ведь а priori может оказаться и, добавлю, в действительности так и происходит, что даже в низко-кинетических культурах в тех диалогах, где ведущими являются, скажем, признаки 'возраст' или 'гендер', невербальный компонент будет решающим. Во многих диалогах, как писал еще Ежи Лец, больше говорят те слова, которые не употребляют, чем те, которыми злоупотребляют.

Наблюдения за реальной коммуникацией людей и лабораторные эксперименты, проведенные на большом и разнообразном материале, продемонстрировали не только важную роль, но и высокую, даже бóльшую, чем для словесных, частотность невербальных знаков, употребляемых для выражения отдельных смыслов, в низко-кинетических и промежуточных культурах. Я имею в виду, к примеру, невербальные знаковые комплексы и модели поведения, которые выражают смысл 'доминации/подчиненности' в культурах типа скандинавской¹ или голландской² и русской. Кроме того, в серии работ было показано, что появление в диалогических текстах невербальных единиц с таким значением мотивировано гораздо более сложными факторами, чем простые культурные предписания людям вести себя в данной ситуации так-то и так-то. Гендерные культурные и этикетные наставления и рекомендации являются всего лишь одним из многих равноценных и значимых признаков, описывающих подчиненное или доминантное поведение. В настоящее время, по сути, признано, что хотя женщины в определенных типах разнополюх диалогов и определенных типах ситуаций (коих, по-видимому, всё же больше), занимают, как правило, подчиненную позицию, они же в других ситуациях предстают как фигуры доминантные и менее конформные, чем мужчины. В частности, к инверсии культурно и социально обусловленных коммуникативных ролей и к замене вербальных элементов на невербальные могут привести такие признаки, как характер и важность решаемой в актуальном коммуникативном акте задачи, личностные характеристики людей ведущих между собой диалог, жанр и общая тональность беседы и другие.

§2. Цель и задачи исследования. Описание материала

Настоящая работа представляет предварительные результаты и выводы, относящиеся к первой части задуманного большого проекта по описанию общих механизмов и анализу конкретных особенностей существования в диалоге различных типов вербальных и невербальных знаков. Речь в ней идет только об одном из многих видов жестов, а именно одним типе иллюстративных жестов, или иллюстраторов (см. ниже).

Всё сказанное выше означает, что, приступая к этой работе, необходимо с самого начала установить весь круг учитываемых признаков и указать значения, которые они принимают. Прежде всего, это тип рассматриваемой культуры и тип коммуникации – я буду рассматривать русскую культуру и коммуникацию одного лица со многими лицами, с некоторой аудиторией. Речь пойдет об учебной деятельности – о лекторском диалоге человека со студентками и студентами.³

Несколько огрубляя реальную картину, можно считать, что все студенты в аудиториях имеют примерно один возраст, обычной темперамент и нормальное физическое и психическое здоровье. Лекторы, знаковое поведение которых изучалось, были разного пола и возраста (от 35 до 65 лет). Все они – штатные преподаватели РГГУ, представители гуманитарных профессий: лингвисты, историки, социологи, специалисты по теории литературы и культурной антропологии. На видеорекамеру записывались только те фрагменты лекций, во время которых шло объяснение нового материала. Впоследствии уже мной для описания были отобраны 10–15 минут из общего числа записанных.

В отличие от упомянутых выше двух работ, меня будет интересовать здесь нечто другое, а именно задачей исследования является не анализ отдельных лекторских жесты и жестовых (или жестово-фонетических, как в

¹ О невербальном поведении людей Финляндии см., в частности, в книге Крейдлин 2005.

² См. о некоторых невербальных особенностях культуры в статье А. Мелинджер и У. Левелта 2004 – А. Melinger, W. J. M. Levelt. *Gesture and the communicative intention of the speaker* // *Gesture*, v. 4, №2, 2004, 119 – 141).

³ В своих наблюдениях и выводах я буду опираться на фрагменты видеозаписей лекций, которые читались преподавателями отдельных институтов и факультетов в составе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Видеозапись и аналитическая обработка материала проводилась студенткой Института европейских культур в составе РГГУ П.Б. Печерской, которая в 2001 году под моим руководством написала и успешно защитила диплом под названием "Семиотика лекторских жестов" (Печерская 2001). Также, с любезного разрешения моей французской стажерки Флоранс Рико-Кассар, я частично пользуюсь собранными ею видеоданными. Она начала под моим частичным руководством сравнительный анализ невербального поведения французских и русских лекторов во время чтения лекций. Первые результаты этого исследования опубликованы в статье Рико-Кассар 2005.

работе Рико-Кассар 2005) комплексов, а установление основных принципов и способов взаимодействия жестов с вербальным составом высказываний. В своей работе я постарался учесть результаты и выводы, связанные с оценками соотношения невербального и вербального компонентов, которые содержатся в работах целого ряда других авторов, изучавших диалогические тексты иных жанров, стилей и тематики. Это, в частности, труды отечественных лингвистов по дискурсивному анализу текста и невербальному диалогическому поведению А. Галичева, М. Бергельсон, А.А. Кибрика, Е. Красильниковой, Е. Морозовой, Ю. Николаевой, Н. Суховой, И. Шаронова.

Академическую лекцию часто рассматривают как коммуникативно-направленный монолог дидактического характера. Представляется, однако, что лекция как речевой жанр имеет целый ряд особенностей и разновидностей. Она может читаться по-разному и, в частности, вестись в диалогическом режиме. Мне интересны были только такие лекции-диалоги, во время которых имел место очевидный и более или менее постоянный вербальный и невербальный контакт преподавателя с аудиторией. Я буду здесь рассматривать только поведение лектора; реакции слушателей на произносимый лектором текст представляют собой отдельный объект для изучения.

§3. Подклассы иллюстративных жестов и их функции

Ниже я кратко охарактеризую иллюстративные жесты и их основные подклассы с тем, чтобы в дальнейшем остановиться. Это необходимо сделать не только потому, что вводимые далее понятия и термины я не могу считать широко известными, но и потому, что по ходу изложения мне придется ввести в ранее представленную и более или менее общепринятую классификацию (см. Крейдлин 2002) некоторые, как мне кажется, важные уточнения и детализации.

Среди жестов (в широком смысле слова) выделяются три основных семиотических класса: (а) имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста, (б) выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, и (в) управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию. Первый вид жестов получил название эмблематических жестов, или эмблем. Большинство эмблем в пределах одного языка тела автономны от речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от нее (хотя, добавлю, существуют редкие эмблемы, требующие с обязательностью речевого или звукового сопровождения). Второй вид жестов – это иллюстративные жесты, или иллюстраторы, а третий вид – регулятивные жесты, или регуляторы.

Иллюстраторы по своей природе не могут передавать значения независимо от вербального контекста и никогда не употребляются отдельно от него. Примерами русских иллюстраторов служат невербальные единицы "легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его", "чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса" и "раскрытые руки в направлении ладонями вверх и слегка наклоненные к адресату". Последняя жестовая форма, к примеру, показывает, что жестикулирующий намевается тотчас же вслед за исполнением данного жеста ввести в свою речь новую тему сообщения. В коммуникативном акте данный жест всегда выступает вместе со словами *А теперь...*; *<А> вот сейчас...* и т.п.

Иллюстраторы вносят свой и нередко большой вклад в смысловую, синтаксическую прагматическую и изобразительную составляющие коммуникативного акта или устного рассказа, делая высказывания не только более богатыми по содержанию, но и более живыми по форме. Они вступают в различные связи с ритмом речи, с ее ходом и остановками. Они соотносятся с просодическими и смысловыми акцентами, с речевыми и жестовыми единицами и во многом обуславливают структурную и мелодическую организацию речевого потока.

Многие слова и даже высказывания "любят" те или иные иллюстративные жесты, например мелкие движения головой, глазами, руками, пальцами и др. Русские указательные слова *здесь*, *тут*, *этот* или местоимения *я*, *мы* и их формы в косвенных падежах обычно выступают вместе с легким движением руки, направленным в сторону говорящего, причем употребление слова *мы* и его форм обычно сопровождается чуть заметным вращательным движением руки. Напротив, использование в речи местоимений *ты*, *вы*, *они*, *то* сопровождается иллюстраторами, отображающими движение от говорящего в сторону реального или воображаемого человека или предмета. Высказывание *Да ну?* в норме сопровождается вскидыванием головы и поднятием бровей, высказывание *Никогда!* – покачиванием головы и под. Некоторые из иллюстраторов, например ритмические жестовые ударения (см. о них ниже) – пощелкивания пальцами, ритмичные постукивания ногой или взмахи руками, помогают человеку вспомнить ускользнувшее от него слово и извлечь из своей пассивной памяти нужное название предмета или обозначение понятия, действия или свойства. Такие жесты освобождают застрявшее слово, и мускульная активность говорящего как бы выталкивает слово наружу, активизируя "лексическую память" (термин, принадлежащий, по-видимому, американскому психологу Р. Клауссу), убыстряя и делая более гладким процесс речевого общения.

В 1941 году Д. Эфрон (Эфрон 1941/1972) выделил и описал шесть функциональных разновидностей иллюстраторов. Главным для нас в этой работе будет первый класс – класс жестовых ударений.

1. **Жестовые ударения (batons** в терминологии Д. Эфрона, **underliners** по П. Экману или **strokes** в терминологии А. Кендона). Это движения рук, синхронные с актуальной речью и осуществляемые в одном с нею коммуникативном пространстве, это также движения головой, плечами и др. Основное назначение жестовых ударений – кинетически акцентировать, выделять какие-то фрагменты речи и тем самым отделять их от остальных фрагментов, более четко структурируя речевой поток. Иными словами, жестовые ударения нацелены

на ритмическую сторону высказывания и на организацию смысла, а не на обозначение и отображение каких-то референтов или их свойств. Впрочем, в контексте лекторского диалога жестовые ударения могут получать и иное коммуникативное значение, о чем еще пойдет речь ниже. Примерами русских жестовых ударений являются **сечение ребром ладони, ритмическое отбивание слогов кистью руки при скандировании, резкое движение рукой сверху вниз, подъем или отведение руки в сторону.**

Следующий по степени своей значимости для коммуникации и по своей частотности класс иллюстраторов – это (2) **дейктические маркеры**, или сопровождающие речь **указательные жестовые движения (кинемы)**. Дейктические маркеры дополнительно к вербальному сообщению указывают на человека, объект, размер, место; в том числе и в случае, когда референт отсутствует (см. фразы *Я только что оттуда* и *Подойдите ко мне вот настолечко поближе* с соответствующими жестами). Они могут также указывать на время события или его стадии: 'сейчас', 'всегда', 'начала', 'потом' (ср. последовательность движений, сопровождавшую нами наблюдавшийся устный рассказ *Сначала* – рука идет в сторону – *он встал, потом* – рука отводится еще дальше – *пошел к двери...*). Слова *вон там* часто сопровождаются иллюстраторами – **кивком головы и взглядом** в сторону человека или предмета, причем жест может указывать даже на объекты, отсутствующие в поле зрения партнеров по диалогу. Замечу, что указание головой обычно сопровождается указанием с помощью глаз в случае, когда в коммуникации участвуют только двое; когда же присутствует еще кто-то третий, помимо собеседника, контакт глаз может происходить (хотя это и необязательно) с собеседником, а голова жестикулирующего указывать при этом в сторону третьего человека.

В среде латиноамериканцев распространена такая указательная жестовая комбинация: **подбородок – взгляд**, ср., впрочем, характерное и для русской культуры указание подбородком: *Что все то значит? – и он строго указывает подбородком на злополучную расписку (С. Гандлевский)*. У народа масаи в Африке (см. Кирк, Бертон 1976) и у индейцев Куна в Панаме (Шерзер 1972) широко используется указательный жест нижней губой. Впрочем, это тоже скорее не отдельный жест, а сочетание жестов, включающее подъем (резкое вскидывание) головы, прямой взгляд, приоткрытый рот и выдвижение вперед губы. Как утверждает Дж. Шерзер, указание губой у индейцев Куна, можно наблюдать в разных коммуникативных контекстах, включая вопросы и ответы о месте и направлении, команды, декларативные суждения с демонстративным значением или приветствия.

Следующие два подкласса иллюстраторов функционально очень близки к дейктическим, возможно даже составляющие отдельные подклассы дейктических иллюстраторов. Это (3) **пространственные** и (4) **временные** маркеры.

Пространственные маркеры описывают разнообразные пространственные отношения. В коммуникативном акте они показывают размер или расположение человека или какого-то объекта в пространстве, дистанцию, отделяющую один объект или одного человека от другого. Ср. пространственные маркеры **"во какой", "от сих до сих", "здесь", "там"** и др. Некоторые из них очевидно близки к дейктическим иллюстраторам не только по функции, но и по семантике. **Временные маркеры** составляют количественно ограниченный подкласс иллюстративных жестов, описывающих референтные временные отношения. Например, при произнесении высказывания *Он сделал это очень медленно (быстро)* амплитуда движущейся руки может меняться в соответствии со сказанным; точно так же разные мануальные движения коррелируют с растягиванием или, наоборот, с убыстрением произносимых слогов;

Особый подкласс составляют (5) **идеографические маркеры**, или **идеографы**, – иллюстраторы, предназначенные описывать ход мысли, выделять отклонения от основного направления мысли в сторону и следы событий. Среди них для диалога важную роль играют жесты, выделяющие в речи главное, то есть главную мысль или идею, жесты, маркирующие переход к новой теме изложения, и некоторые другие функциональные типы идеографов.

Еще один подкласс это (6) **кинефонографы** – иллюстраторы, соединяющие изображение движений тела (отдельных частей тела) человека или животного с речью или с производимыми при этих движениях звуками. Ср., например, изображение ходьбы человека попеременным движением указательного и большого пальцев или передачу галопа лошади с помощью быстрого перебирания и постукивания пальцев о некоторую поверхность, то есть с помощью кинемы, которая сопровождает звук, имитирующий стук копыт.

Очень близкими к кинетофонографам являются (7) **кинетографы**, изображающие произвольные действия, за исключением собственно движений, и имитирующие траекторию, силу и некоторые другие параметры действий, а также сопровождающие их звучания. Примером кинетографов служат жесты, изображающие резание или сгибание предмета, жесты, изображающие закрываемую с силой книгу, деньги (форма: "указательный и большой пальцы трутся друг о друга, имитируя шелест денег при счете или платежных операциях").

Последние два подкласса – это (8) **идентификаторы** и (9) **экстерналайзеры**.

Идентификаторы – это иллюстративные жесты, "ответственные" за особые стили и манеры человеческого поведения и обычно именуемые по-русски как *строгий, мужественный, женственный, элегантный, вульгарный* и т.п. *стиль*. Идентификаторы довольно точно характеризуют человека, "выдавая" его возраст, пол, социальное или материальное положение, его культуру. Кинетические высказывания с кинетографами и идентификаторами, строго говоря, не обязательно иллюстративного типа, хотя по большей части действительно сопровождают вербальные высказывания, выделяя в них какие-то элементы. Благодаря идентификаторам, например, адресат распознает различные объекты и концепты, физические и моральные характеристики человека, качества вещей и свойства среды. Идентификаторы создают мотивы для различных языковых оценок людей, таких как *скучный,*

осторожный, несимпатичный, мужественный, дружелюбный, мягкий или жесткий человек, а также для высказываний о качествах или поступках человека *невозможный, абсурдный, удивительный, необыкновенный* и т.п. Примерами идентификаторов являются жесты **высоко поднятая голова, взгляд поверх головы, отставленный <в сторону> мизинец <при еде или чаепитии> за столом**, некоторые разновидности **улыбок, вкрадчивые телодвижения**.

К экстерналайзерам принадлежат разнообразные поведенческие единицы, которые тоже в строгом смысле иллюстраторами не являются (хотя их обычно причисляют к таковым), поскольку обычно не сопровождают слова или неречевые звуки, а являются **реакциями на них**. Это невербальные отклики человека на реальность, настоящую или воображаемую, отклики на то, что было когда-то кем-то сказано или сделано, на то, что не сказано и не сделано, и даже на то, что будет сделано или сказано. Иными словами, это жесты-реакции человека на коммуникацию, на ее контекст, на собеседника, на действительный мир в целом, определяющие и отражающие его материальный и духовный опыт. По своей форме экстерналайзеры – это движения рук, ног, глаз и корпуса; кроме того, это могут быть комплексы, состоящие из жестов и звуков, возникающих при их реализации. Примеры: **щелчки пальцев, мигания глазами, повороты корпуса**, жесты класса "**прихорашивания**": **приглаживать волосы, поправлять галстук, даже одергивать одежду** и т.п.

§4. Жестовые ударения в лекторском диалоге

В дальнейшем предметом анализа являются русские жестовые ударения и их использование в речи лекторов.

Я попытаюсь показать, что русские жестовые ударения выполняют в лекторской речи следующие функции: (1) они выявляют некоторые аспекты когнитивной деятельности говорящего, а именно процесса формирования смысла; (2) отражают отдельные специфические моменты в ходе порождения текста, то есть трансформации смысла в высказывание и (3) помогают в организации линейной структуры высказывания. Я рассмотрю здесь несколько жестовых ударений – каждый в его взаимодействии с высказыванием.

Жестовые ударения, свойственные лекторам, по своей форме в норме представляют собой краткие по времени, относительно небольшие по амплитуде и простые, как правило, однонаправленные, движения руки или головы (кивки в такт речи). Чаще всего эти жесты по времени и месту согласованы с ударным слогом слова. Данный тип иллюстраторов в речи лекторов – один из самых частых и составляет примерно 50% иллюстраторов.

Можно различать по значимости **основные и дополнительные (вторичные) жестовые ударения**. Основное жестовое ударение представляет собой четкое и ясное кинетическое движение, обычно сопровождающее сильное речевое ударение или предшествующее ему. Основные жестовые ударения выполняют в коммуникации роль, аналогичную той, которую играют на письме некоторые пунктуационные знаки, не только выделяя, но и одновременно с тем отделяя одну порцию информации от другой. Тем самым ударение как бы придает пунктуации визуальную форму. Ведущая функция всех основных жестовых ударений в акте коммуникации – грамматическая.

Дополнительное, или вторичное, жестовое ударение является движением более ослабленным и менее акцентированным по сравнению с основным ударением. Оно противопоставлено безударному кинетическому движению, сопровождающему речь, а также жесту со снятым или с сильно редуцированным ударением в живом речевом потоке.

И при синтезе устного текста, когда принимается во внимание взаимодействие словесного и жестового кодов, и при анализе встречающихся в таком тексте употреблений иллюстраторов необходимо учитывать фактор времени, прежде всего, временного тактиса. В частности, опережение, синхронность или запаздывание жестового ударения, сопровождающего или иллюстрирующего речь, помогают уточнить, а иногда и дополнить выражаемый жестом смысл. Исходное предположение здесь у большинства исследователей жестов, по сути дела, одно и то же, поскольку оно представляется довольно естественным. Его можно сформулировать так: если когнитивная связь вербального и жестового каналов существует, то процессы вербализации и жестикуляции должны хотя бы частично перекрываться по времени. Было неоднократно и убедительно показано, что обычно слова, идущие в дискурсе задолго до или много позже воспроизводимого жестового ударения, с ним не связаны. Установлено также, что жестовые ударения взаимодействуют преимущественно с супрасегментными (ударением, тоном) и отдельными сегментными фонологическими единицами, в частности с встречающимися на границах морфем.

Во времени жестовые ударения нередко предшествуют речевым отрезкам, которые они сопровождают, или паузам, предвещающим смену говорящих в процессе диалога (хотя разница во времени между жестовым ударением и соотносимой с ним единицей речи в норме чрезвычайно мала). Согласно данным из Щеглоф 1984, в английском языке жестовые ударения имеют в высказываниях постоянное место. Как правило, они ставятся на последнем акцентно выделяемом слого непосредственно перед теми сегментными речевыми или параречевыми единицами, с которыми они связаны. Для русского лекторского диалога такое постоянство жестовых ударений не характерно.

По типу исполнения жестовые ударения делятся на два класса: **однократные ударения и многократные, или, иначе, ритмические ударения**. Последние в выделенном фрагменте лекции выделяют либо каждый слог важного для понимания текста слова, либо только ударный слог, но уже каждого слова фрагмента. Я смогу

рассмотреть здесь только три жеста и указать на некоторые характеристики их взаимодействия с вербально выраженным содержанием.

Типичным примером однократного или, чаще, многократного жестового удара является иллюстратор **сечение ребром ладони**. Назначение этого жеста состоит не только в выделении каких-то слов или слогов: в нем присутствует очевидный иконический компонент значения. Вообще, для многих иллюстраторов и, в частности жестовых ударений, существуют достаточно сильные связи и мотивации исполняемых жестовых движений и выражаемых ими значений, которые являются хорошим диагностическим ключом для понимания скрытых психических процессов.

Существуют два основных артикуляционных варианта жеста **сечение ребром ладони**, употребляемых примерно с равной частотой в лекциях. В одном из них, **резком варианте**, жест свидетельствует о том, что, делая текст рубленным (слова в этот момент произносятся обычно более резко и с большей, чем в норме, паузой, голос повышается), жестулирующий отсекает какие-либо сомнения в истинности произносимого им текста. В другом, **мягком варианте**, то есть при менее резко выраженной жестовой артикуляции, жест интерпретируется как некоторое предположение или допущение, отсекающее другие возможности. В связи со сказанным можно указать на любопытное словообразовательное и смысловое отношение между глаголами *рассекать – рассекать рукой воздух* и *отсекать – отсекаать сомнения* и жеста. На этом примере видно, что процессы словообразования в русском языке соотносятся с процессами реализации и интерпретации жестов и кинетического поведения в русском языке тела. Проблемы выявления, описания и типологии такой корреляции пока еще даже не поставлены.

Если жест **сечение <ребром ладони>** характерен для мужского стиля поведения, то женскому стилю (о мужском и женском стилях невербального поведения см. Крейдлин 2005) свойствен другой, также однократный, жест. Это плавное **отведение руки в сторону**, жест, интерпретируемый как приглашение к обсуждению альтернативы. В этом случае имеет место не столько подчеркивание, сколько нечто вроде иллюстрации движения мысли, правда, именно той, которая выделена данным жестом или, чаще, сопутствующим высказыванием.

Структура речи и тип произносимого предложения тоже влияют на жестуляцию. Быстрое сечение руки плохо соединяется с вопросом, а плавное и спокойное движение, напротив, плохо комбинируется с восклицанием.

Вот примеры поведения этих двух жестовых ударений в их соединении с высказыванием:

- (а) *У каждого* | (жест (резкое) **сечение**) *литературного героя есть своя история.*
 (б) *Вопрос о современности в современной критике ставится несколько иначе* || (жест **отведение руки в сторону**) *в отношении к лирической поэзии, чем к прозе*

Какется неслучайным, что жестовое ударение в первом примере соотносится именно со словом *каждый* – языковым аналогом квантора общности. Лектором является женщина, но здесь было бы странным видеть в ее исполнении жест **отведение руки в сторону**, ведь слово *каждый* не предполагает возможности альтернативы. Во втором примере **отведение руки**, наоборот, говорит о некотором сомнении автора высказывания в провозглашаемом тезисе, подкрепленном не имеющими точного смысла словами *несколько иначе*.

Использование лекторами жестовых ударений при объяснении материала, имеет, как я уже говорил ранее, свои особенности: они не только ритмически организуют сообщение, но также **подчеркивают и поясняют отдельные моменты в самом содержании речи**. Именно поэтому жестовые ударения являются надежным ключом к выявлению важнейших смысловых точек произносимого дидактического текста. По одной жестуляции, даже не слыша сказанное, можно делать выводы о том, в какой момент произносится и выделяется то, что лектор считает достоверным или гипотетичным, что требует дальнейшей экспликации или уточнения и что предполагает от студентов особого внимания и запоминания и активной проработки данного фрагмента дома. Дополнительная энергия в жесте **сечение** повышает экспрессию речи лектора и привлекает внимание слушателей, а жест **отведение руки** приглашает присоединиться к размышлениям и колебаниям.

Третий и последний жест из класса жестовых ударений, высокочастотных в лекциях, это **домик**. Его физическая реализация такова: жест исполняется двумя руками, кончики пальцев соединяются, образуя фигуру, напоминающую треугольную крышу, ладони при этом распрямлены и слегка отодвинуты друг от друга. Жест относительно продолжительный: руки, соединяясь, иногда быстро, иногда нет, находят в положении "домика" от 3 до 5 сек.

Домик выражает и передает слушателям идею соединения разных частей одной мысли или разных мыслей в некое целое; жестом акцентируется процесс и результат аккумуляции разного в одно. Геометрия треугольника в жесте наглядно демонстрирует как сам процесс – сближение и соединение мыслей (ладони как стороны треугольника) – и результат соединения – появление некой цельной сложной мыслительной конструкции (соприкосновение пальцев образует вершину треугольника). Жестом иллюстрируется когнитивная логическая операция: характерно, что жест сопровождает слова логического вывода и логического синтезирующего умозаключения: *итак, таким образом, вместе, в целом, очевидно, вы видите, ясно* и т.п. Продолжительность и статичность результирующего положения рук подчеркивают устойчивость и определенность выполненной когнитивной операции и утверждают ее законченность. Созданный и сохраняемый некоторое время визуальный образ помогает слушателям понять, восстанавливать и удерживать в своей памяти связь мыслей-составляющих и их движение к результирующей мысли, заставляет слушателей сконцентрировать внимание и сосредоточиться на

обсуждаемом вопросе. Голос лектора, исполняющего жест, становится более глубоким и медленным, осторожно-доверительным, как будто человек хочет вызвать у слушателей установку на восприятие важного и неожиданного, сообщаемого друзьям и товарищам.

Интересно, как реагировала на домик аудитория. Многие студенты как бы "встряхивались": переводили взгляд на лектора либо начинали смотреть на него/неё более напряженно и внимательно, поворачивали тело в сторону говорящего, лоб морщился, глаза расширялись. Другие согласно и в такт кивали головой, на лицах появлялась радостная или, скорее, довольная улыбка, люди поворачивали голову к соседям и что-то начинали им быстро говорить. Впоследствии часть студентов спросили, чему они в тот момент радовались, и больше половины из тех, кто вспомнил (или сделал вид, что вспомнил), ответили примерно так (передаю точный смысл, но не текст): "Наверное, были довольны, что сами догадались, о чем преподаватель сказал".

§5. Заключение

В работе МакНил 1995 (с. 185 и след.) и (со ссылкой на ту же работу) в работе Николаева 2004 утверждалось, что кинетические ударения обычно появляются в дискурсе, когда говорящий отвлекается от изложения сюжета, то есть переходит с одного нарративного уровня на другой. Этот факт подтверждается частым появлением этих иллюстраторов на границе эпизодов. Как пишет Ю.В. Николаева, "кинетические ударения указывают на то, что имеет место отклонение от ранее соблюдаемой последовательности изложения событий".

В лекторском диалоге, однако, существуют сильные связи и мотивации исполняемых жестовых ударений и выражаемых ими значений, являющиеся хорошим диагностическим ключом для понимания скрытых психических процессов. Простые по своей форме, жестовые ударения в лекторском стиле речи не только подчеркивают какие-то элементы текста, ритмизируют и структурируют его, как это имеет место в бытовом диалоге или рассказе. Выполняя дидактические функции, эти иллюстраторы отражают когнитивные и эмоциональные процессы, происходящие в мозгу жестикулирующего, способствуют формированию и упорядочению его речи и облегчают слушателям ее восприятие. Жестовые ударения, как и сопровождаемая ими речь, являются, как говорил В. Вундт, "проявлением заложенной в нас силы языка".

Литература

- Кирк, Бертон 1976 – Kirk, L., Burton, M. *Physical versus semantic classification of non-verbal forms: a cross-cultural experiment* // *Semiotica*, 17, № 4, 1976, 315 – 337.
- Крейдлин 2002 – Крейдлин Г.Е. *Невербальная семиотика* // М.: "Новое литературное обозрение", 2002.
- МакНил 1995 – McNeill, D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought* // *Chicago: Chicago Univ. Press*, 1995.
- Николаева 2004 – Николаева Ю.В. *Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение)* // *Московский лингвистический журнал*, 2005, т. 8, № 2, 89 – 117.
- Печерская 2001 – Печерская И.Б. *Семантика лекторского жеста* // *Дипломная работа слушателя 2 курса. Институт европейских культур. Москва, 2001 (рукопись)*.
- Реформатский 1963 – Реформатский А.А. *О перекодировании и трансформации коммуникативных систем* // *Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963, 208 – 215.*
- Рико-Кассар 2005 – Рико-Кассар Ф. *Сопоставительный анализ невербального знакового поведения французских и русских лекторов во время лекций* // *Московский лингвистический журнал*, 2005, т. 8, № 2, 118 – 129.
- Холл 1959 – Hall, E.T. *The silent language* // *Garden City, New York: Doubleday*, 1959.
- Шерзер 1972 – Sherzer, J. *Verbal and nonverbal deixis: The pointed lip gesture among the San Blas Cuna* // *Language in society*, 2, № 1, 1972, 117 – 131.
- Щерлоф 1984 – Schegloff, E.A. *On some gestures' relation to talk* // J. M. Atkinson, J. S. Heritage (eds.) *Structures of social action. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press*, 1984, 266 – 296.
- Эфрон 1941/1972 – Efron, D. *Gesture and Environment* // *New York: King's Crown Press*, 1941 (2nd edition – 1972: в 1972 году книга вышла под названием *Gesture, Race and Culture*).